

Проблема души современного человека

Перевод А.М. РУТКЕВИЧА

Проблема души современного человека принадлежит к вопросам, которые сделались частью нашего века настолько, что мы не в состоянии разглядеть их в необходимой перспективе. Человек сегодняшнего дня представляет собой совершенно новый феномен; современная проблема — это только что возникшая проблема, и ответ на нее принадлежит будущему. Говоря о проблеме души современного человека, мы можем в лучшем случае лишь поставить вопрос, причем мы ставили бы его, наверное, совсем иначе, будь у нас хотя бы малейший намек на ответ, который даст на него будущее. Более того, вопрос не слишком ясен. Дело в том, что он обращен к чему-то столь универсальному, что выходит за пределы индивидуального восприятия. Поэтому у нас есть все основания подходить к проблеме со всею скромностью и величайшей осторожностью. Открытое признание нашей ограниченности кажется мне существенным, поскольку именно проблемы такого рода чаще других искушают нас произносить громкие и пустые слова, а также потому, что и сам я буду вынужден сказать нечто кажущееся непомерным и неосторожным. Слишком многие из нас становились жертвами своего красноречия.

Чтобы сразу начать с примера подобного отсутствия осторожности, я должен сказать, что человек, именуемый нами современным, направляющий свое сознание на непосредственное настоящее, никоим образом не является обычным человеком. Скорее он представляет собой человека, стоящего на вершине или на самом краю мира — с пропастью будущего перед ним, одними небесами над ним и всем человечеством, с исчезающей в первобытном тумане историей — под ним. Современный человек — или, повторим это вновь, человек непосредственного настоящего — встречается достаточно редко, ибо он должен быть в высшей степени сознательным. Ведь существовать целиком в настоящем означает полностью осознавать свое существование, что требует максимальной интенсивности и экстенсивности сознания, минимума бессознательного. Нужно ясно понять, что простой факт жизни в настоящем не делает человека современным, ибо тогда любого ныне живущего можно было бы считать таковым. Современен лишь тот, кто полностью осознаёт настоящее.

Достигший сознания настоящего человек одинок. “Современный” человек во все времена был таковым, ибо каждый шаг к более полной сознательности удалял его от изначального, чисто животного participation mustique со стадом, от погруженности в общую бессознательность. Каждый шаг вперед означал освободительный отрыв от материнского лона бессознательного, в котором пребывает людская масса. Даже в цивилизованном обществе люди, образующие, с точки зрения психологии, низший слой, живут в состоянии бессознательности, мало отличающемся от первобытного состояния. Обитатели последующих страт живут на уровнях сознания, соответствующих начальным этапам человеческой культуры, тогда как принадлежащие к высшему слою наделены сознанием, которое отображает жизнь нескольких последних столетий. Только человек современный в этом смысле слова действительно живет

настоящим: только он обладает сегодняшним сознанием, он один обнаружил, что пресытился жизнью на более ранних уровнях. Ценности и устремления этих миров прошлого если и интересуют его, то лишь с исторической точки зрения. Тем самым современный человек “неисторичен” в глубочайшем смысле слова и отчуждается от массы людей, живущих традицией. Конечно, современным во всей полноте он становится только подходя к самому краю мира, оставляя позади все ненужное, все, что перерос, признавая, что он стоит перед ничто, из которого может вырасти все.

Это звучит настолько величественно, что подозрительным образом граничит с банальностью — нет ничего легче, чем прикинуться воплощенным сознанием настоящего. Целая орда незначительных людишек придает себе обманчивый облик современных, перескакивая ряд стадий развития и представленных ими жизненных задач. Они неожиданно возникают рядом с подлинно современными людьми — лишенные корней призраки, приведения-кровососы. Их пустота принимается за незавидное одиночество современного человека и дискредитирует его. Численно немногие современные люди тем самым сокрываются от плохо различающих глаз массы этим облаком призраков — псевдосовременных, с которыми они смешиваются. Этому ничем не поможешь: современный человек всегда вызывает вопросы и подозрения — так было во все времена, начиная с Сократа и Иисуса.

Честное исповедание современности означает добровольное признание самого себя банкротом, принятие обетов бедности и целомудрия в новом смысле и — что еще болезненнее — отказ от нимба святости, даруемого историей. Быть “неисторичным” — это Прометеев грех, и в этом смысле современный человек, переросший принадлежские прошлому стадии сознания, полностью исполняющий обязанности, накладываемые на него миром, способен достичь полного сознания настоящего. Для этого он должен быть здоровым и умелым в лучшем смысле этого слова — человеком, добившимся в жизни не меньше других, даже несколько больше. Эти качества необходимы для достижения дальнейшего роста сознательности.

Я знаю, что практичная умелость кажется особенно отвратительной псевдосовременным, поскольку она неприятно напоминает им об их надувательстве. Это не помешает нам принять умелость в качестве нашего критерия современного человека. Мы даже принуждены сделать это, поскольку тот, кто объявляет себя современным не будучи умелым, является просто обманщиком. Современный человек обязан быть в высшей степени умелым, ибо до тех пор, пока он не искупил разрыв с традицией своими творческими способностями, он просто не верен прошлому. Было бы пустейшим делом отрицать прошлое лишь для того, чтобы осознать настоящее. “Сегодня” стоит между “вчера” и “завтра”, оно связует прошлое и будущее — лишь в этом его значение. Настоящее представляет собой процесс перехода; только человек, осознающий подобным образом настоящее, может называться современным.

Многие называют себя современными — в особенности псевдосовременные. Поэтому действительно современных людей мы часто находим среди тех, что называют себя

старомодными. Такую позицию они занимают не без оснований: во-первых, они подчеркивают таким образом значимость прошлого, чтобы возместить свой разрыв с традицией и возникшее чувство вины, о котором уже шла речь; во-вторых, чтобы не быть принятым за псевдосовременных. Любое хорошее качество имеет и свою дурную сторону, ничто хорошее не приходило в мир, не произведя при этом соответствующего ему зла. Этот болезненный факт делает иллюзорным чувство приподнятости, столь часто сопровождающее сознание современности, — чувство того, что мы являемся кульминацией всей истории человечества, исполнением и завершением бесчисленных поколений. В лучшем случае это будет и горделивым признанием собственной нищеты: мы представляем собой также крушение надежд и ожиданий прошедших веков. Достаточно подумать, что почти два тысячелетия господства христианских идеалов привели не к новому пришествию мессии, не к Царству Небесному, а к мировой войне между христианскими нациями с ее колючей проволокой и отравляющими газами. Какая катастрофа и на небесах, и на земле!

Перед лицом такой картины мы вновь обретаем скромность. Верно, современный человек является кульминацией, но уже завтра он будет превзойден. Он действительно представляет собой продукт многовекового развития, но является и самым тяжким крушением надежд человечества. Современный человек сознаёт это. Он видит всю благотворность науки, технологии и организации, но он видит также и всю их катастрофичность. Он видит равным образом, как все правительства, преисполнившись добрыми намерениями, пролагали путь к миру, действуя по принципу: “во время мира готовься к войне”, — так, что Европа едва не пришла к полному разрушению. Что касается идеалов, то ни христианская церковь, ни солидарность экономических интересов не выдержали проверки реальностью — крещения в огне. Сегодня, спустя десять лет после войны, мы снова видим все тот же оптимизм, те же политические устремления, те же фразы и лозунги в действии. Как нам не опасаться, что они с неизбежностью приведут к дальнейшим катастрофам? Соглашения о запрещении войн оставят нас скептическими при всех наших пожеланиях всяческих успехов таким соглашениям. В глубине, за всеми паллиативными мерами такого сорта сохраняется подтачивающее сомнение. Я полагаю, что не слишком преувеличу, если скажу, что психологически современный человек претерпел чуть ли не фатальный шок, результатом которого является глубочайшая неуверенность.

Эти суждения достаточно ясно показывают, что мои взгляды несут на себе отражение моих профессиональных занятий. Врач занят поисками болезни, я не могу перестать быть врачом. Правда, важнейшей стороной врачебного искусства является отказ искать болезни там, где их нет. Поэтому я не стану утверждать, будто белая раса вообще и западное общество в частности больны, что Запад стоит на краю пропасти. Я никоим образом не компетентен, чтобы выносить такой приговор.

Кто бы ни говорил о проблемах культуры или даже о проблеме человека, никогда не помешает

вопрос: кем на самом деле является говорящий? Чем более общей является проблема, тем больше в ее решение контрабандой протаскивается собственная психология. Отсюда нетерпимые искажения и ложные выводы, которые могут иметь самые серьезные последствия. С другой стороны, уже тот факт, что общая проблема вовлекла и поглотила всю личность, является гарантией того, что говорящий действительно испытал ее и приобрел в своих страданиях нечто важное. Проблема отразилась на его личной жизни, а это указывает на истину. Но если собственная психология проецируется на проблему, то происходит и фальсификация ее личными особенностями: претендуя на объективность, личность так искажает ее, что вместо истины мы имеем дело с обманчивой видимостью.

Мое знание душевной проблемы современного человека, конечно, приобретено опытом наблюдений за другими людьми и из моего собственного опыта. Я знаю кое-что об интимных сторонах психической жизни многих сотен образованных личностей, здоровых и больных, выходцев из самых различных районов цивилизованного белого мира; мои суждения основываются на этом опыте. Без сомнения, я могу дать лишь одностороннюю картину, поскольку все мои наблюдения связаны с душой — все это лежит внутри. Я должен сразу же добавить, что уже это само по себе примечательно, поскольку душа не всегда и не везде обнаруживается внутри. Имеются народы и эпохи, когда она находилась вовне, ибо они целиком и полностью непсихологичны. В качестве примера можно взять любую из древних цивилизаций, но в первую очередь Египет с его монументальной объективностью и наивной исповедью в несовершенных грехах. За могильниками Аписа в Саккара и пирамидами мы найдем не больше психологических проблем, чем за музыкой Баха¹.

Где бы мы ни обнаруживали существование каких-то внешних форм для адекватного выражения стремлений и надежд, будь они идеалами или ритуалами, мы можем сказать, что душа находится вовне, что нет психологической проблемы, как нет бессознательного в нашем смысле слова. В созвучии с этой истиной психология как наука была открыта лишь в последние десятилетия, хотя задолго до этого человек прибегал к интроспекции и был достаточно разумен, чтобы распознать факты, являющиеся предметом психологии. Римляне были знакомы со всеми принципами механики и фактами физики, достаточными для создания паровой машины, но все свелось к игрушке Герона Александрийского. Причина в том, что у римлян не было принудительной необходимости двигаться дальше. Нужда появилась только с колоссальным разделением труда и ростом специализации в девятнадцатом веке. Точно так же духовная нужда привела в наше время к "открытию" психологии. Психические факты существовали, конечно, и раньше, но они не привлекали к себе внимания — никто их не замечал, люди вполне обходились без них. Но сегодня нам уже не обойтись без науки о душе.

Медики были первыми, кто осознал эту истину. Для священника душа представляет собой лишь нечто соответствующее или не соответствующее признанной форме или системе верований. Он должен обеспечить нормальное функционирование последней. Пока эта система истинно выражает жизнь, психология может быть только техническим помощником здоровой жизни, душа не рассматривается как фактор *sui generis*. Пока человек живет как стадное животное, у него вообще нет собственной души — она ему и не нужна, исключая обычное верование в ее бессмертие. Но стоит человеку выйти за рамки любой локальной формы религии, в которой он

был рожден, — как только религия перестает охватывать его жизнь во всей полноте, — душа становится фактором по своему собственному праву, с нею уже не обойтись привычными мерами. По этой причине мы имеем сегодня психологию, основанную на опыте, а не на догматах веры и не на постулатах какой-нибудь философской системы. Сам факт существования такой психологии является для меня симптомом глубоких конвульсий, происходящих в коллективной душе. Ибо изменения в коллективной душе происходят по тому же образцу, что и изменения в индивидуальной. Пока все идет хорошо и наша психическая энергия находит адекватные и отрегулированные пути для выхода, нас ничто не тревожит изнутри. Нас не осаждают сомнения и неуверенность, мы не знаем внутренней раздвоенности. Но стоит заблокировать один-два канала психической активности, как появляются закупорки, поток энергии устремляется вспять, против течения, внутренний человек желает иного, чем внешний, мы в войне с самими собой. Только тогда, в этой нужде, мы обнаруживаем психику как нечто препятствующее нашей воле, нечто странное и даже враждебное нам, несовместимое с нашим сознательным видением. На этот процесс самым ясным образом указывают разработки Фрейда. Первое, что он обнаружил, было существование сексуально извращенных и преступных фантазий, совершенно несовместимых с сознательным мирозерцанием цивилизованного человека. Того, кто действовал в согласии с этими фантазиями, считали бунтовщиком, преступником или сумасшедшим.

Мы не можем считать, что эта сторона бессознательного или глубоких регионов человеческой психики появилась лишь в недавнее время. Вероятно, эти фантазии всегда присутствовали в любой культуре. Хотя у каждой культуры имелся свой разрушительный противник, Герострат, сжигавший ее храмы, ни одна культура до нашей не была столь неумолимо принуждена считаться с этими подводными течениями психики. Душа в них была лишь частью какой-нибудь метафизической системы. Но человек, осознавший свою современность, отныне не может удерживаться от признания могущества психики, с каким бы усердием и настойчивостью ои^л защищался от этого. Наше время тем самым отличается от всех остальных времен. Мы не в состоянии более отрицать, что темные движения бессознательного являются активными силами, что есть силы души, которые, по крайней мере на данный момент, не соответствуют нашему рациональному миропорядку. Мы даже вознесли их до уровня науки — еще одно доказательство того, насколько серьезно мы их принимаем. Предшествовавшие века могли, не замечая, отбрасывать их в сторону; для нас они сделались плащом Несса, который мы не можем оторвать от кожи.

Революция, привнесенная в наше сознание катастрофическими результатами мировой войны, проявляется в нашей внутренней жизни как потрясение веры в себя и в нашу собственную значимость. Мы привыкли смотреть на иностранцев как на закосневших в политических и моральных грехах, но современный человек вынужден признать, что политически и морально он ничуть не лучше других. Если раньше я считал, что моим долгом было призывать других к порядку, то ныне я понимаю, что мне нужно призвать к порядку самого себя, что для начала мне необходимо привести в порядок свой собственный дом. Я уже давно готов признать это, так как слишком хорошо сознаю, насколько поблекла моя вера в рациональную организацию мира — древний сон о тысячелетнем царствии мира и гармонии. Скептицизм современного человека

охладил энтузиазм к политике и мировым реформам; более того, скептицизм представляет собой наихудшее основание для беспрепятственного перетекания психической энергии во внешний мир — так же как сомнение в моральности друга причиняет ущерб нашим взаимоотношениям и затрудняет их развитие.

Скептицизм отбрасывает современного человека к самому себе, энергия течет к своему истоку, столкновения и водовороты выносят на поверхность те психические содержания, которые имелись во все времена, но лежали, прикрытые илом, на дне, пока ничто не препятствовало течению. Насколько иным представлялся мир средневековому человеку! Земля была для него от века неподвижной, покоящейся в центре Вселенной; вокруг нее вращалось Солнце, заботливо наделяя ее теплом. Люди были детьми Божьими, на них распространялась любящая забота Всевышнего, приготавливавшего их к вечному блаженству; все точно знали, что они должны делать, как им вести себя, чтобы подняться из тленного мира к нетленному, полному радости бытию. Жизнь такого рода уже не кажется нам реальной, даже в наших сновидениях. Наука давно изодрала в клочья эту прекрасную завесу. Тот век еще более далек от нас, чем наше детство, когда наш собственный отец казался самым прекрасным и самым сильным существом на земле.

Современный человек утратил метафизическую уверенность своего средневекового собрата, на ее место он поставил идеалы материального благоденствия, безопасности, гуманизма. Но любому желающему ныне сохранить в нетронутости эти идеалы необходима инъекция основательной дозы оптимизма. Даже безопасность осталась за бортом, ибо современный человек увидел, что каждый шаг в направлении материального “прогресса” постепенно увеличивает угрозу все более страшной катастрофы. Воображение в ужасе отшатывается от такой картины. Но что мы должны думать, глядя, как огромные города совершенствуют сегодня свою оборону от газовых атак и даже устраивают костюмированные репетиции? Это означает лишь, что такого рода атаки уже запланированы и предусмотрены, как всегда, по принципу: “во время мира готовься к войне”. Стоит человеку накопить достаточное число разрушительных машин, и дьявол, что сидит внутри него, скоро начнет искушать его пустить их в ход. Хорошо известно, что ружья начинают сами стрелять — стоит лишь накопить достаточное их число.

Свидетельства действия ужасного закона, управляющего всем миром, названного Гераклитом *enantiodromia* (взаимосбегание противоположностей), прокрадываются в сознание современного человека обходными путями, нагоняя на него страх и парализуя его веру в эффективность социальных и политических мер перед лицом этих титанических сил. Заглянув в тайники собственной психики, он обнаружит ужасающее зрелище слепого мира, где чаша весов склоняется то к строительству, то к разрушению, хаос и тьму. Наука разрушила даже это последнее убежище: то, что раньше было тихой гаванью, оказывается теперь сточной ямой.

И все же мы чувствуем чуть ли не облегчение, когда находим столько зла в глубинах собственной души. Наконец-то, полагаем мы, найден корень всех зол человечества. Хотя поначалу мы шокированы и разочарованы, мы по-прежнему считаем, что если уж это элементы нашей психики, то мы более или менее справляемся с ними, можем подправить их или, в крайнем случае, эффективно подавить. Мы охотно предполагаем, что, преуспевая в подавлении, мы выкорчевываем из мира какую-то порцию зла. Принимая во внимание широкую

распространенность науки о бессознательном, каждому теперь доступно видение дурных мотивов в действиях государственного мужа. Даже газеты подсказут ему: “Обратитесь к психоаналитику, вы страдаете от подавленного отцовского комплекса”.

Я нарочно выбрал этот гротескный пример, чтобы показать, до какого абсурда мы доходим, веря иллюзии, будто все психическое находится под нашим контролем. Тем не менее верно, что много зла в мире проистекает из безнадежной бессознательности человека; как верно и то, что вместе с ростом нашей осведомленности об этом источнике зла в нас самих мы можем сживаться с ним — подобно тому, как наука позволяет нам эффективно преодолевать зло, происходящее из внешнего мира.

Быстрый, охвативший весь мир рост интереса к психологии на протяжении двух последних десятилетий безошибочно указывает на поворот внимания современного человека от внешних материальных вещей к внутренним процессам. В искусстве экспрессионизм пророчески предварил это развитие субъективности, ибо искусство в целом интуитивно постигает перемены, происходящие в коллективном бессознательном.

Нынешний интерес к психологии — это индикатор того, что современный человек ожидает от психики что-то недоступное во внешнем мире; наша религия должна была бы содержать в себе это что-то, но она его давно утратила, по крайней мере, для современного человека. Для него различные формы религии не имеют отношения к внутреннему миру, но являются порождениями души — они все больше напоминают атрибуты внешнего мира. Все, что не от мира сего, не удостоивается им внимания, не обладает характером откровения; вместо этого он надевает, как воскресное платье, самые различные религии и верования, чтобы затем отбросить их, как изношенную одежду.

И все же современный человек буквально зачарован чуть ли не патологическими проявлениями душевных глубин. Требуется объяснить, почему то, что отвергалось всеми предшествовавшими веками, неожиданно сделалось столь интересным. Трудно отрицать всеобщий интерес к этим проявлениям души, каким бы оскорблением хорошего вкуса они ни казались. Я имею в виду не столько интерес к психологии как к науке, или даже уже — к психоанализу Фрейда, сколько получивший широкое распространение и все растущий интерес к различным психологическим феноменам, обнаруживающимся в спиритизме, астрологии, теософии, парапсихологии и т.д. Ничего подобного не было с конца семнадцатого века. Это сравнимо только с расцветом гностической мысли в первом и втором веках эры Христовой. Спиритуализм нашего времени действительно напоминает гностицизм. Существует даже “Eglise gnostique de la France”³, и мне известны две школы в Германии, которые открыто именуют себя гностическими. Численно самым внушительным движением является теософия — вместе с ее континентальной сестрой — антропософией они представляют собой чистейший гностицизм в индийских одеждах. В сравнении с ними интерес к научной психологии незначителен. В этих гностических системах более всего поражает то, что они основываются исключительно на проявлениях

бессознательного, что их моральное учение проникает на темную сторону жизни, как это ясно видно по обновленной европейской версии Кундалини-йоги. То же самое верно относительно парапсихологии — с этим согласится любой, кто знаком с предметом.

Интерес к этим движениям несомненно связан с течением психической энергии, которая более не может инвестироваться в устаревшие религиозные формы. В результате эти движения приобретают подлинно религиозный характер, даже когда они претендуют на научность. Ничего не меняется от того, что Рудольф Штайнер называет свою антропософию “духовной наукой” или когда миссис Эдди изобретает “христианскую науку”. Эти попытки сокрытия просто показывают, что религия сделалась подозрительной — почти такой же подозрительной, как политика или мировые реформы.

Я вряд ли захожу слишком далеко, говоря, что современный человек, в противоположность своему собрату XIX в., преисполнен надежд в своем обращении к психике. Его обращение мало напоминает какие-либо традиционные верования, скорее оно совпадает с гностическим опытом. Тот факт, что все упомянутые мною движения выдают себя за научные, не есть ни карикатура, ни маскарад. Это позитивный знак того, что они действительно стремятся к “научности”, т.е. к знанию, а не к вере, являющейся сущностью западных форм религии. Современный человек питает отвращение к вере и к основанным на ней религиям. Он готов признать их значимыми лишь по мере того, как их познавательное содержание совпадает с его собственным душевным опытом. Он желает знать — на основе своего собственного опыта.

Век открытий только что закончился, на Земле не осталось ни одного неисследованного уголка; он начался, когда люди перестали верить в то, что гипербореи — одноногие чудовища или что-то в этом роде, но возжелали найти, посмотреть собственными глазами на существующее за границами знакомого мира. Наш век стремится открыть то, что существует в психике за пределами сознания. Вопрос, задаваемый в каждом спиритическом кружке, таков: что происходит после того, как медиум утратил сознание? Каждый теософ спрашивает: что я испытываю на высших ступенях сознания? Всякий астролог задается вопросом: каковы силы, определяющие мою судьбу, несмотря на все мои сознательные намерения? Любой психоаналитик желает знать: каковы бессознательные влечения, лежащие за неврозом?

Нашему веку нужен опыт самой души. Он хочет непосредственного опыта, а не предположений, хотя он готов использовать все существующие предположения как средства для этой цели, включая и те, что принадлежат признанным религиям и настоящим наукам. Европейец вчерашнего дня, посмотрев повнимательнее на эти изыскания, ощутил бы легкую дрожь. Для него не только темны и отвратительны предметы этих, так сказать, исследований; даже

применяемые при этом методы кажутся ему шокирующим злоупотреблением тончайшими достижениями человеческого интеллекта. Что скажет астроном, узнав, что сегодня составляется в тцечаи раз больше гороскопов, чем триста лет назад? Что скажет воспитатель человеческого рода, адвокат философского просветительства о том факте, что со времен античности мир не обеднел ни на один предрассудок? Сам Фрейд, основатель психоанализа, предпринимал величайшие усилия для того, чтобы осветить максимально ярким светом грязь, мрак и зло теневой стороны души, чтобы мы потеряли всякое желание усматривать там что-нибудь, помимо отбросов и непристойностей. Но и он не преуспел в этом, и его попытка предостеречь и утешить привела к прямо противоположному — к восторгу по поводу всей этой грязи. Такого рода извращенность была бы необъяснимой в нормальных условиях, но сегодня даже скатологов (исследователей непристойного) зачаровывают и влекут тайны души.

Нет никаких сомнений в том, что с начала девятнадцатого века — после французской революции — душа все больше выдвигалась на первый план человеческих интересов. Сила ее притяжения непрерывно росла. Возведение на престол Богини Разума в Нотр-Дам было, ка-жегся, символическим жестом огромного значения для западного мира . Оно напоминало действие христианских миссионеров, срубивших дуб Вотана . В обоих случаях богохульные деяния не привели к возмездию в виде удара молнии, небесной кары.

Не просто забавным капризом истории было то, что как раз во время революции один француз, Анкетиль дю Перрон , жил в Индии и в самом начале XIX в. возвратился домой с переводом “Упнек-хат”, сборника из пятидесяти “Упанишад”, давшего Западу первое глубокое представление о труднодоступной мысли Востока. Для историка здесь — простое совпадение, так кау. нет исторической причинно-следственной связи. Мое медицинское мышление предупреждает: это не простая случайность. Все происходит в согласии с психологическим законом, неизменно действующим в личной жизни. Если что-нибудь важное обесценивается и исчезает в нашей сознательной жизни, то — по этому закону — появляется компенсация утраченного в бессознательном. Можно видеть в этом аналог принципу сохранения энергии в физическом мире, поскольку у наших психических процессов также имеется количественный, энергетический аспект. Ни одна психическая величина не может исчезнуть без замены ее на другую равной интенсивности. Это фундаментальное правило безошибочно проверено в своей постоянной повторяемости практикой психотерапии. Врач во мне категорически отказывается рассматривать жизнь народов как нечто неподвластное психологическому закону. Для него душа народа есть лишь несколько более сложная структура, нежели душа индивида. Разве поэт не говорил о “нациях своей души”? Говорил вполне корректно, как мне кажется, ибо в одном из своих аспектов душа не индивидуальна, но выводится из нации, сообщества, даже всего человечества. Так или иначе мы являемся частью одной всеобъемлющей души, единого “великого человека” — homo maximus, как говорил Сведенборг.

Итак, мы можем провести параллель: подобно тому как во мне, отдельном индивиде, тьма вызывает к приходящему на подмогу свету, точно так же происходит и в душевной жизни народа. За разрушительными толпами, втекавшими в Нотр-Дам, стояли темные и безымянные силы, отрывавшие человека от его корней; эти же силы действовали и на Анкетилья дю Перрона. Они вызвали отклик, вошли в историю и говорят с нами устами Шопенгауэра и Ницше. Анкетиль дю

Перрон принес на Запад мысль Востока, а ее влияние на нас мы даже не можем сегодня измерить. Конечно, на интеллектуальной поверхности не так уж много видно: горсть ориенталистов, один-два энтузиаста буддизма, несколько темных знаменитостей вроде мадам Блаватской или Анни Безант с ее Кришнамурти. Эти явления подобны мелким островкам, разбросанным по океану человечества; но в действительности эти остро-|вки являются пиками подводных хребтов. Филистеры от культуры до недавнего времени верили, что астрология давно представляет собой нечто достойное безопасной насмешки. Но сегодня, поднявшись с социальных глубин, она стучится в двери университетов, откуда была изгнана триста лет назад. Это верно и относительно восточных идей: они коренятся на глубинных уровнях, постепенно поднимаясь на поверхность. Откуда взялись пять или шесть миллионов швейцарских франков на постройку антропософского храма в Дорхане? Ясно, что это не дар какого-то одиночки. К сожалению, отсутствует статистика, которая точно указала бы нам число открытых сторонников теософии, не говоря уже о скрытых. Но их наверняка несколько миллионов. К ним нужно прибавить несколько миллионов спиритов, склоняющихся то к христианству, то к теософии.

Великие новшества никогда не приходят свыше; они неизменно поднимаются снизу, подобно тому как деревья растут вверх с земли, а не с небес. Перевороты, происходящие в нашем мире, и сдвиги в нашем сознании суть одно и то же. Все стало относительным, а потому сомнительным. В то самое время как человек нерешительно созерцает мир, свихнувшийся от всех своих мирных договоров и дружественных пактов, демократии и диктатуры, капитализма и большевизма, его дух стремится найти ответ, который позволил бы уменьшить беспокойство, вызванное сомнениями и неуверенностью. Именно люди, живущие на низших, темных уровнях, следуют бессознательным влечениям души;

столь часто осмеивавшийся бессловесный люд, живущий близко к земле, менее заражен академическими предрассудками, чем академические знаменитости, претендующие на обратное. Если смотреть на этот люд свысока, зрелище часто бывает скучным и смехотворным; но он столь же внушительно нем как те галилеяне, что были однажды названы блаженными. Разве не трогательно держать в руках толстенную книгу, компендиум всех отбросов человеческой души? В томах *Anthropophyteia* мы находим самую пустую болтовню, самые абсурдные действия, дичайшие фантазии, тщательно записанные, — в то время как люди вроде Хавелока Эллиса и Фрейда описывали сходные предметы в серьезных трактатах, со всею возможной академической ученостью. Читающая эти трактаты публика разбросана по поверхности цивилизованного белого мира. Как объяснить это рвение, чуть ли не фанатическое поклонение всему отвратительному? Причина в том, что эти предметы принадлежат к психологии, являются субстанцией души, а потому они столь же ценны, как фрагменты манускрипта, найденные в куче древнего мусора. Даже тайные и зловонные закоулки души представляют ценность для современного человека, ибо они служат его цели. Но какова эта цель?

Фрейд предпослал “Истолкованию сновидений” мотто: *Flectere si nequeo superos Acheronta movebo* [Если не могу отвести богам вершины, то приведу в движение воды подземного царства]. Но с какой целью?

Боги, которых мы призваны низложить, это сделавшиеся идолами ценности нашего сознательного мира. Как мы знаем, ничто так не дискредитировало античных богов, как их

любовные скандалы. Ныне история повторяется. Люди обнаруживают сомнительные основания наших прославленных добродетелей и несравненных идеалов, они победно кричат нам: “Вот ваши рукотворные боги, уловки и бред, окрашенные в цвета человеческой низости, поблекшие могильники, полные гнилых костей и нечистот”. Знакомые нам стиль и лексика Евангелия, сделавшиеся непереваримыми со времен конфирмации, заново оживают.

Я глубоко убежден, что это не пустые аналогии. Есть слишком много тех, для кого фрейдовская психология дороже Евангелия, а большевизм означает нечто большее, чем гражданская добродетель. И все же они — наши братья, ибо в каждом из нас слышен отголосок их речей, поскольку в конечном счете есть одна душа, охватывающая всех нас.

Неожиданным результатом такого развития является уродливый лик мира. Он стал столь безобразным, что никто не может любить его; мы не в состоянии любить даже самих себя, а во внешнем мире нет ничего, что могло бы отвлечь нас от реальности внутренней жизни. В этом значение такого развития. В конце концов чему хочет научить нас теософия своей доктриной кармы и перерождения, как не тому, что этот мир видимости есть лишь лечебница для морально несовершенных? Теософия обесценивает внутреннюю ценность наличного мира не менее радикально, чем современное мировоззрение, но прибегает к иной технике: она не чернит наш мир, но оставляет ему лишь относительный смысл, обещая иные, высшие миры. Результат в обоих случаях один и тот же.

Я готов признать, что все эти идеи не укладываются в рамки академических дискуссий; суть дела в том, что они затрагивают современного человека там, где он менее всего это осознаёт. Является ли простым совпадением то, что современная мысль пришла к теории относительности Эйнштейна и ядерной теории, уводящих нас от детерминизма и граничащих с чем-то невообразимым? Не удивительно поэтому, что современный человек обращается к реальности душевной жизни и ожидает от нее достоверности, утраченной им в мире. ; Духовная ситуация Запада неустойчива, и опасность тем больше, чем сильнее наша слепота к безжалостной истине об иллюзорности красок нашей души. Западный человек живет в густом облаке фимиама, воскуряемого им самим так, что в этом дыму ему не разглядеть собственного отражения. Но какое впечатление вызывает оно у людей с другим цветом кожи? Что думают о нас Индия и Китай? Какие чувства мы вызываем у черного человека? У всех тех, у кого мы отняли их земли, тех, кого мы уничтожаем ромом и венерическими заболеваниями?

У меня есть друг, американский индеец, вождь племени пуэбло. Во время конфиденциального разговора о белом человеке он сказал мне: “Мы не понимаем белых. Они всегда хотят чего-то, всегда беспокоятся, что-то высматривают. Как это понимать? Мы не знаем. Мы не можем их понять. У них такие острые носы, такие тонкие, жесткие губы, такие линии у них на лицах. Мы думаем, что все они сумасшедшие”.

Мой друг распознал, не умея назвать, арийского коршуна с его ненасытной жаждой быть властелином во всех землях, даже в тех, до которых ему вовсе нет дела. Он заметил и нашу манию величия, заставляющую нас полагать среди всего прочего, что христианство — единственная истина, а белый Христос — единственный искупитель. Вогнав в хаос нашей наукой и технологией весь Восток, требуя с него за это дань, мы посылаем наших миссионеров даже в Китай. Комедия, разыгрываемая христианством в Африке, является самой жалкой. Уничтожение полигамии, конечно, чрезвычайно любезное Богу, способствовало такому распространению проституции, что только в Уганде ежегодно тратится 20 тыс. фунтов на предохранение от венерических заболеваний. А добрый европеец платит своим миссионерам за эти вдохновляющие достижения! Нужно ли вспоминать о бедствиях в Полинезии или о благословлении торговли опиумом?

Вот так выглядит европеец, если лишить его облака воскурения. Не удивительно, что раскопки души напоминают прокладку канализации. Только такой идеалист, как Фрейд, мог посвятить всю жизнь этим нечистотам. Но дурной запах распространяет не он, а мы сами — вообразившие себя такими чистыми и порядочными в силу полнейшего невежества и грубейшего самообмана. Поэтому наша психология, знакомство с нашей собственной душой начинаются с самого отвратительного, т.е. со всего того, что мы предпочитаем не видеть.

Но если бы душа была полна одним лишь злом, то никакой земной властью не удалось бы сделать ее привлекательной для нормального человека. Вот почему люди, видящие в теософии только жалкую поверхность ума, а во фрейдовской психологии одну лишь сенсацию, предсказывают этим движениям скорый и бесславный конец. Они упускают из виду тот факт, что такие движения получают всю свою силу от очарования, прелести души. Это она выражает себя в таких формах — пока им на смену не пришли иные, лучшие. Они являются переходными или эмбриональными стадиями, которые послужат появлению более зрелых форм.

Мы еще не вполне осознали, что теософия есть любительская, поистине варварская имитация Востока. Мы начинаем заново открывать для себя астрологию, являющуюся на Востоке хлебом насущным. Наши исследования сексуальной жизни, начатые в Вене и в Англии, не идут ни в какое сравнение с индийскими учениями по этому поводу. Восточные тексты тысячелетней давности дают нам образы философского релятивизма, а идея индетермизма, только что появившаяся на Западе, является фундаментом китайской науки. Что до наших открытий в психологии, то Рихард Вильгельм показал мне, что некоторые сложные психические процессы были описаны в древнекитайских текстах. Сам психоанализ и возникшие вместе с ним направления мысли — мы считаем их специфически западным явлением — представляет собой лишь усилия новичка в сравнении с искусством, существующим с незапамятных времен на Востоке. Параллели между психоанализом и йогой проводились еще Оскаром Шмицем.

В то самое время как мы переворачиваем вверх дном материальный мир на Востоке нашими техническими средствами, Восток со своими высшими психическими навыками приводит в смятение наш духовный мир. Мы никак не постигнем, что, завоевывая Восток извне, мы позволяем ему все крепче схватывать нас изнутри. Эта идея кажется чуть ли не безумной, поскольку нам заметны лишь очевидные каузальные связи и мы не видим, что должны были бы возлагать вину за смятение в рядах нашего интеллектуального среднего класса на Макса Мюллера, Ольденберга, Дейссена, Вильгельма и им подобных. Чему учит нас пример Римской империи? После завоевания Малой Азии Рим становится азиатской державой; Европа была заражена Азией и остается таковой до сих пор. Из Киликии пришел митраизм, религия римских легионов, и распространился с ними от Египта до туманной Британии. Есть ли нужда напоминать об азиатском происхождении христианства?

У теософов есть забавная идея, будто некие Махатмы, восседающие где-то в Гималаях, вдохновляют и направляют умы всех жителей мира. Столь сильным оказывается влияние восточной веры в магию, что находящиеся в здравом уме европейцы уверяли меня, будто бы все мною сказанное есть результат действия Махатм, а мои собственные устремления не имеют никакого значения. Этот миф о Махатмах, получивший широкое хождение на Западе и сделавшийся религиозным верованием, не есть бессмыслица. Подобно любому мифу, он содержит важную психологическую истину. Верно и то, что в глубине тех духовных перемен, с которыми мы сегодня имеем дело, лежит Восток. Но этот Восток — не тибетский монастырь, полный Махатм, — он в нас самих, это наша собственная душа, постоянно творящая все новые духовные формы и силы, которые могут помочь нам обуздать безграничное хищничество арийца. Возможно, он позволит нам сузить горизонт внешней деятельности. На Востоке это привело к сомнительному квиетизму, но также к той стабильности, каковую обретает человек, когда требования духа становятся столь же императивными, как и нужды социальной жизни. Но в наш век американизации мы по-прежнему далеки от всего этого; мне кажется, что мы едва ступили на порог новой эпохи духа. Я не хотел бы изображать из себя пророка, но вряд ли удастся очертить проблему души современного человека без упоминания его стремления к покою в период беспокойства, стремления к безопасности в век опасностей.

Сущность духовной проблемы сегодняшнего дня содержится для меня в том очаровании, которое вызывает душа у современного человека. Пессимисты назовут это знамением упадка, оптимисты увидят предвестие далеко идущих духовных перемен на Западе. В любом случае это значимый феномен. Он заслуживает еще большего внимания, поскольку коренится в глубинных социальных стратах, затрагивает то иррациональное, те неисчислимы психические силы, которые, как показывает история, преобразуют жизнь народов и цивилизаций, преобразуют непредвиденно и непредвидимо. Эти силы, по-прежнему невидимые для глаз большинства, лежат в основании сегодняшнего интереса к психологии. Зачарованность душою никоим образом не есть болезнетворное извращение. Притяжение души столь сильно, что даже отвратительные ее стороны не заставят очарованного отпрянуть.

Всё кажется опустошенным и изношенным на столбовых дорогах мира. Современный человек инстинктивно покидает протоптанные пути, чтобы найти обходные тропы и проходы. Подобно человеку греко-римского мира, отбрасывавшему своих умерших богов и обращавшемуся к мистериям, мы под давлением нашего инстинкта поворачиваемся к иному, к восточной теософии и магии. Современный человек идет к внутреннему, к созерцанию темных оснований души. Это происходит с тем же скептицизмом и такой же безжалостностью, с какими Будда был принужден смести два миллиона богов, чтобы достичь единственно достоверного изначального опыта.

Теперь нам нужно задать последний вопрос. Верно ли то, что я говорил о современном человеке, либо это очередная иллюзия? Что бы ни думали миллионы образованных жителей Запада о приведенных мною фактах, считая их неадекватными и нелепыми, они не вызывают ни малейших сомнений. Разве утонченный римлянин думал иначе, когда смотрел на распространение христианства среди рабов? Сегодня Бог Запада еще жив для множества людей, как и Аллах по другую сторону Средиземного моря; один верующий считает другого еретиком, которого, за неимением других средств, нужно жалеть и терпеть. Хуже того, просвещенные европейцы придерживаются мнения, будто религия хороша для масс и для женщин, но мало значима в сравнении с экономическими и политическими вопросами дня.

Меня не трудно опровергнуть — как человека, предсказывающего бурю, когда на небе нет ни облачка. Возможно, шторм остается где-то за горизонтом, быть может, он нас никогда и не достигнет. Но то, что значимо для психической жизни, всегда лежит за горизонтом сознания, и когда мы говорим о проблеме души современного человека, мы говорим о едва заметных вещах — самых сокровенных и хрупких, о цветах, распускающихся только ночью. В дневном свете все ясно и ощутимо; однако ночь длится столь же долго, как и день, мы живем и в ночное время. Есть люди, которым снятся дурные сны, отравляющие им и дневное существование. Для многих же дневная жизнь кажется дурным сном, и они страстно желают наступления ночи, когда пробуждаются духи. Я думаю, что в наше время таких людей очень много, вот почему я так долго говорил о душе современного человека.

Я должен признать себя тем не менее виновным в некоторой односторонности, так как я умалчал о духе времени, о котором всем есть что сказать, ибо он на виду у всех. Он проявляет себя в идеалах интернационализма и супернационализма, воплощенных в Лиге Наций и подобных ей организациях; мы видим дух времени в спорте, кино, джазе. Это характерные симптомы нашего времени, гуманистические идеалы распространяются даже на тело, и эта тенденция еще более заметна в современных танцах. Кино, подобно детективным романам, позволяет нам испытывать без опасности для нас самих все побуждения, страсти и фантазии, которые должны были бы подлежать вытеснению в гуманистический век. Нетрудно заметить связь этих симптомов с нашей психологической ситуацией. Очарованность душой приносит новую самооценку, переаттестацию фундамента человеческой природы. Мы не удивимся, если это приведет и к новому открытию тела — после долгого подчинения его духу. Возникает даже искушение сказать, что плоть возвращает себе свои права. Когда Кайзерлинг заметил, что шофер сделался культурным героем нашего времени, он, как почти всегда, был прозорлив. Тело претендует на равное признание; оно очаровывает точно так же, как и душа. Если бы мы

держались старого антитезиса сознания и материи, то подобное положение дел казалось бы нестерпимым противоречием. Но если мы свыкаемся с таинственной истиной, что дух есть жизнь тела, глядя изнутри, а тело есть внешнее проявление жизни духа (на самом деле два суть одно), то нам [становится понятно, почему стремление выйти за пределы нынешнего уровня сознания путем признания бессознательного воздаст должное и телу. Понятно и то, почему признание прав тела не терпит философии, отрицающей его во имя духа. Эти требования физической и психической жизни, несравнимо более сильные, чем в прошлом, могут показаться признаком декаданса, но они могут означать и обновление, ибо, как говорил Гёльдерлин:

Там, где опасность, Растет и спасенье.

И мы видим, как западный мир набирает скорость — американский темп — это прямая противоположность квиетизма и мироотрицающей резиньяции. Возникает беспрецедентное напряжение между внешним и внутренним, объективной и субъективной реальностями. Возможно, это последняя гонка между стареющей Европой и молодой Америкой, может быть, это последняя отчаянная попытка вырваться из-под темной власти природного закона, чтобы одержать еще одну героическую победу пробужденного сознания над сном наций. На этот вопрос даст ответ только история.